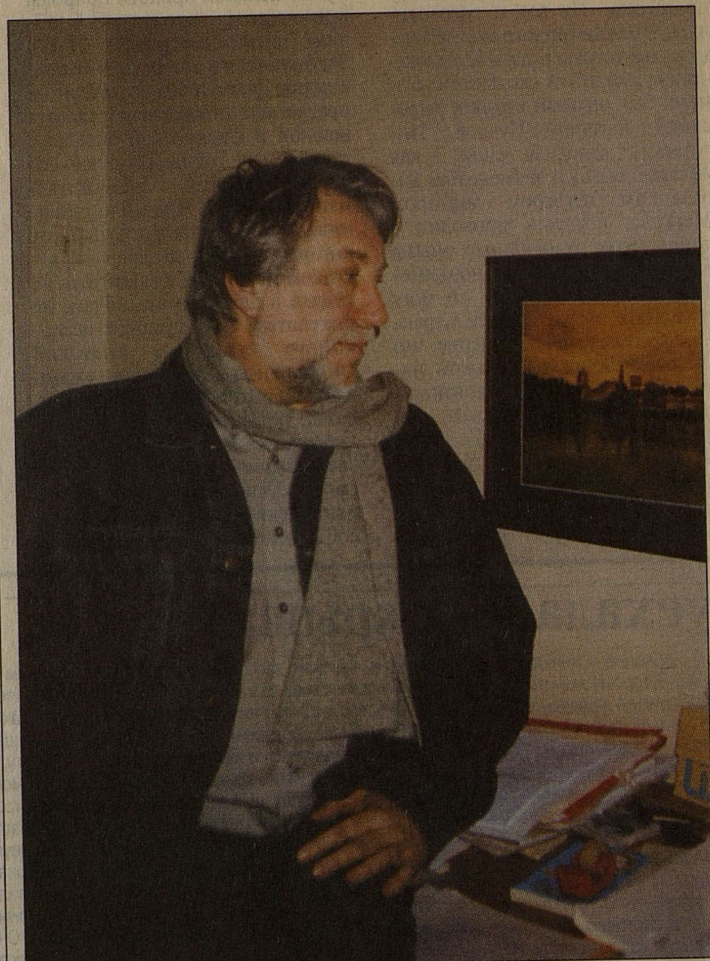

Юрий Кублановский

Он — известный поэт 60 — 70-х годов; первую книгу готовил к печати Иосиф Бродский (вышла в американском издательстве «Ардис» в 81-м году). В 82-м под угрозой ареста был вынужден эмигрировать, жил в Германии и Франции. В 90-м едва ли не первым из всех эмигрантов не на побывку — навсегда — вернулся на родину...

— Что бы вы сказали о трех этих столь различных периодах вашей жизни?

— Хотя они и различны, но связаны по принципу сообщающихся сосудов. В СССР я оказался в литераторах-подпольщиках и конспиративно, в подворотнях, передавал иностранцам свои стихи для публикации в русских антикоммунистических органах за границей. Ноги не несли переступать порог несоветских журналов... Как и все поэты-нонконформисты, ходил

в кирзе, в рванье, с постоянным насморком, но все мы чувствовали себя едва ли не гуру. Жизнь была трудной, но значимой, именно эта значимость помогала существовать без депрессий.

В эмиграции я, собственно, впервые оказался в своей натуральной ипостаси: поэта и публициста. И в парижской газете «Русская мысль», и на радио «Свобода» я не просто служил, но выполнял, как мне казалось, важную миссию: нес на родину вольное, неподцензурное слово.

Наконец теперь, здесь, в Отечестве, как и на Западе, существую все в том же своем, так сказать, богоданном качестве литератора. Но — как оказалось без моей на то вины — литератора маргинального. Я, по совести, не могу примыкать ни к каким тусовкам. Новая «игровая» идеология с резким душком

В финале столетия — ближе к нулям

Юрий Кублановский о себе и не только

коммерции мне чужда совершенно. Так что одиночество никак не меньшее, чем было в Западной Европе.

— Полезно ли, на ваш взгляд, почувствовать, что такое ностальгия?

— Для поэта полезен любой жизненный и духовный опыт. За границей я вспоминал родину, друзей и дорогие сердцу ландшафты — и слава Богу. Сейчас так же тоскую по Венеции или Баварским Альпам. Стихам все это только на пользу. Но ностальгия как таковая, очевидно, болезнь бездельников или выдумка советского агитпропа.

— Говорят, биография поэта — лишь «подстрочник» для последующего перевода в творчество...

— Честно сказать, не люблю демонических литераторов, которые выжимают из своего «демона» соки для творчества. Жизнь как игра, даже порою игра смертельная — в поисках литературного материала, — такая жизнь не по мне. Ведь в этом есть своего рода расчетливость, а для расчетливости уж слишком я экспансивен. Но, конечно, жизненная коллизия, роман, даже адюльтер могут по свежим следам или через годы, даже десятилетия — вдруг вылиться в лирический текст.

— Комедия, драма, трагедия. В каком «жанре» вам видится наша жизнь?

— Трагедия все-таки очень высокий жанр. Я думаю, драма. Это емкое и очень точное слово.

— Можно ли говорить о драме вашего возвращения?

— В конце прошлого года у меня вышла книжка стихотворений «Заколдованный дом» — это своего рода дневник настроения «возвращенца». Возвращение оказалось, может быть, большим шоком, чем отъезд. Начале — в 90-м, в 91-м, несмотря на разруху, я уповал на нравствен-

ное воскрешение нашего общества. Но объявленная «по свистку» свобода обернулась моральным и экономическим беспределом.

Одним словом, мой «лирический герой» так опешил, что я года три почти вообще не писал стихов: не было ни нужного словаря, ни соответствующего поэтического тона. Потом стихи вернулись — но уже без прежнего надрывного упования, они стали жестче.

— Вы согласны с Иосифом Бродским, сказавшим, что «ни один народ не заслуживает своей литературы»?

— Ровным счетом наоборот. Не надо путать причину со следствием: русская литература — порождение нашего исторического, духовного, социального развития. Каждый наш среднеарифметический соотечественник тянул и тянет лямку несравненно более тяжелую, чем литератор, дар которого заведомо делает его «голубой костью» и ставит в привилегированное положение. Не народ должен быть благодарен литературе, а литература — народу.

— А как насчет того, что «каждый народ заслуживает то правительство, которое имеет»?

— И с этим до конца согласиться трудно. Разумеется, обвал 1917 года, к примеру, произошел не на голом месте. И все-таки я не соглашусь даже с Господом Богом, что Россия «заслужила» большевиков. Тут — одна из тайн, катастроф и катаклизмов, для которых даже кошунственно искать логическое объяснение, а тем более моральное оправдание. Есть в мире нечто не доступное человеческому разумению. В частности, все, что происходит с Россией в XX веке, не может быть строго объяснено и тем самым оправдано: количеством, по слову Мандельштама,

«убитых задешев» превышает всякое разумение и логическое «примирение».

— Вы не думаете о мемуарах?

— Дневники, мемуары, письма — мое любимое чтение, которое я уже давно предпочитаю чтению художественной литературы. Пусть некоторые считают это родом культурной некрофилии. Для меня же проникнуться строем мыслей и ощущений ушедшего человека — большая радость, ибо человеческое культурное преемство — лучший залог достойного существования. Сам я уже 12 лет веду дневник: это будут «окаянные дни» последнего десятилетия века, смесь надежды и мизантропии.

— Как вам живется и работаете в нынешнем Переделкино?

— Я ему за приют благодарен, хотя Переделкино ветшает, гибнет. Но стихи, как правило, пишу не дома, а в дороге. В Переделкино воздух уже вычерпан Пастернаком... Из России я после эмиграции почти не выезжал. А внутри езжу много. Провинциальная служивая интеллигенция, краеведы, учителя — это моя «компания»...

— В ваших нынешних стихах самые разные мироощущения: от оптимистичного «жизнь, в общем, хороша любая» до пессимистичного «жизнь прожужжала мимо уха». Какое настроение все-таки преобладает «в финале столетия»?

— Солженицын, отказываясь от ордена, назвал нынешнее состояние России «предгибельным». Но — «мужайся, сердце, до конца». И надежда умирает последней. «В финале столетия — ближе к нулям», но хочется верить, что принесенные Россией жертвы все-таки не напрасны.

Беседовала
Ирина ПАНТЕЛЕЙ
Фото автора